

На правах рукописи

Синельникова Елена Николаевна

**Образы ушедшей России в периодической печати
русского зарубежья 1920-1930-х годов**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Саратов 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Варфоломеев Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры политических наук
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
Митрохин Владимир Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории российской
государственности и права «Поволжский
институт управления им. П.А. Столыпина –
филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС»
Семенова Анастасия Александровна

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет»

Защита состоится **22 мая 2013 г. в 12.00 часов** на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.243.03 на базе ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 401.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: г. Саратов, ул. Университетская, 42, читальный зал № 3.

Автореферат разослан «___» апреля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Л. Н. Чернова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность изучения общественной мысли определяется ее огромной ролью в развитии духовной культуры и сложных процессах идейно-политической борьбы. В рамках этого проблемного поля в диссертации исследуется образ ушедшей России, сформированный в периодической печати русского зарубежья 1920-30-х годов. Кризис коммунистической идеи и настороженное отношение к либеральным проектам, изъяны современного демократического курса актуализируют не только поиски новых идеологий, но и обостряют интерес к опыту переломных моментов в истории, к истокам новейшей российской истории, к прообразам героев и антигероев современности. Поэтому понятен интерес к изучению интеллектуального наследия послереволюционной эмиграции, являющегося также наследием отечественной истории XX века.

В конце XX – начале XXI в. для российской гуманитарной науки стало возможным обращение к тем сюжетам отечественной истории, доступ к которым долгое время был закрыт. Изучение эмигрантской общественной мысли стало одним из приоритетных направлений. Освоенные отечественной наукой современные методологические подходы в русле интеллектуальной истории позволяют по-новому взглянуть на предмет исследования. Тема образа российской истории и судьбы России в эмигрантском сознании остается недостаточно разработанной на сегодняшний день, хотя важность ее изучения на современном этапе трудно переоценить. За последние два десятилетия вновь стали популярными вопросы об историческом пути России, о так называемой «Русской идее» и ее роли в процессе поиска национальной идентичности, а также вопрос конструирования идеальной модели государственного развития. Обращаясь к ним, наши современники действуют по той же схеме, что и эмигранты XX в., которые искали ответы и способы решения в примерах идеальной героики, живущих в образах исторической памяти и гражданского сознания.

Предлагаемое исследование построено на источниковой базе, состоящей в основном из периодических изданий, которые были ориентированы на интерес широкой публики. Изучение образа ушедшей России в печати Русского зарубежья проясняет ситуацию сразу в нескольких направлениях. Авторы публицистических по своему характеру текстов чаще всего прибегали к различным художественным средствам языка, в том числе к образам, главной целью которых было максимальное эмоциональное воздействие на читателя, особенно в газетах и журналах пропагандистского толка.

Это актуализирует интерес не только к историческому образу России в эмиграции, но и к рассмотрению различных аспектов массового сознания, что дает возможность составить целостную картину эмигрантской общественной мысли, изучение которой, в свою очередь, затрагивает более широкий спектр вопросов касающихся истории России.

Степень изученности темы. Тема образа ушедшей России в представлении послереволюционных эмигрантов является частью большой

области исследований, касающихся эмигрантской общественной мысли. Первые работы, имеющие отношение к этой широкой проблематике, появились в 1920 – 1930-е годы. Образ России отчасти затрагивался Г. Флоровским в его суждениях о своеобразии исторического пути России. Автор обращался к спору западников и славянофилов, который в XIX веке дал варианты идеальных моделей – образов российской государственности¹. Определенный интерес в этом плане представляет работа В.В. Зеньковского, в которой тема образа России затрагивается сразу по нескольким направлениям, не только в идеях славянофилов и западников, но и сквозь призму развития русской литературы и русской философской мысли, в том числе эмигрантской².

Работы, которые касались собственно эмигрантского периода, появились в 1930-е годы, когда стало понятно, что скорого возвращения на родину не будет. В этот период появились первые по-настоящему квалифицированные исследования о русской эмиграции. К таковым можно отнести труд И. Стратонова³, посвященный проблемам религиозного эмигрантского сознания, и труд профессора Г.Н. Пио-Ульского⁴, дающий всестороннее комплексное освещение проблем белградской эмиграции за 1917-1939 гг. В 1938 г. вышла работа Б. Яковенко о русской философии, в которой рассматривались особенности непосредственно эмигрантского сознания⁵.

После Второй мировой войны интерес к русским эмигрантам отошел на второй план. Тем не менее, в эмиграции назрела проблема систематизации накопленного к тому времени интеллектуального продукта. В связи с этим уже 1960-е – 1970-е гг. ознаменовались всплеском интереса к русской эмиграции как к культурно-историческому феномену. В это время осмысливалась историческая роль эмиграции. Начало было положено комплексными работами Г.П. Струве об истории русской эмигрантской литературы и работой Г.В. Адамовича⁶ о вкладе русской эмиграции в мировую культуру.

Различные аспекты эмигрантской жизни поднимались также зарубежной историографией. Эмигрантское сознание исследовалось зарубежными учеными в рамках изучения идеологических проблем, и первенство в этих вопросах принадлежало немецким историографам, в первую очередь исследователю Г. фон Римше⁷. В США истоки изучения эмигрантской тематики и эмигрантского сознания были заложены В. Хантингтоном в начале 1930-х гг. В 1920-х – 1930-х гг. иностранных исследований по русской послереволюционной эмиграции было совсем немного. Активное изучение русского зарубежья началось после Второй мировой войны. Такие авторы, как

¹ См.: Флоровский Г. На путях: Утверждение евразийцев: М.; Берлин, 1922. Кн. 2.

² См.: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1926.

³ См.: Стратонов И. Русская церковная смута 1921-1931. Берлин, 1932.

⁴ См.: Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

⁵ См.: Яковенко Б. История русской философии. Прага, 1938.

⁶ См.: Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961.

⁷ Rimsca H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917-1921. Jena, 1924; Rimsca H. Rusland jenseits der Grenzen 1921-1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.

Н.Е. Волкман⁸, Р. Уильямс⁹, Дж. Стефан¹⁰, Дж. Глэд¹¹ и др., посвятили свои исследования различным культурным и политическим аспектам эмигрантской жизни.

Одной из самых популярных тем в послевоенной европейской историографии, интерес к которой не иссяк и в начале XXI в., стала тема евразийства. Иностранцев исследователей волновал вопрос природы возникновения этого явления, его политический и научный смыслы. Различные аспекты евразийства рассматривались в трудах О. Босса¹², Л. Люкса¹³ и др. Большим вкладом в иностранную историографию стали работы американского профессора – русиста М. Раева¹⁴.

В целом, говоря о зарубежной историографии, следует согласиться с теми исследователями, которые, подводя итоги историографическому обзору иностранной литературы, посвященной послереволюционной эмиграции, отмечают, что, несмотря на увлечение иностранцев различными сюжетами истории российской эмиграции, динамика и целостная картина развития эмигрантской общественной мысли по результатам их трудов пока не вырисовывается¹⁵.

В советской историографии тоже были попытки осмыслить эмигрантскую тему, но вплоть до конца 80-х гг. эти попытки были весьма робкими, так как к большинству эмигрантских работ доступ был крайне ограниченным, и сама тема находилась под запретом. Вопросы эмигрантского сознания стали затрагиваться в 1960-х гг. на волне оттепели. Правда, и тогда об эмиграции говорилось мало и в основном негативно, общий курс определяли тенденциозные работы таких авторов как, В.В. Комин¹⁶, Ю.В. Мухачев¹⁷. Стремление беспристрастно исследовать эмигрантскую проблематику, можно было оценить лишь по работе Л.К. Шкаренкова¹⁸, в которой автор все-таки смог освободиться от идеологических штампов.

⁸ *Volkman H.E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919 – 1929. Wurzburg, 1966

⁹ *Williams R.C.* Culture in exile: Russian emigres in Germany. 1881-1941. London, 1972

¹⁰ *Стефан Дж.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции; 1925-1945. М., 1992

¹¹ *Глэд Дж.* Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М., 1991; *Он же.* Зарубежная Россия. Писатели, история, политика. Вашингтон, 1999.

¹² *Boss O.* Die ehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen indeengeschichte des 20. Jahrhunderts. Weisbaden, 1961.

¹³ *Luks L.* Die ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas.* Weisbaden, 1986. Bd. 34. N. 3. S. 374-395; *Люкс Л.* Евразийство // *Россия между Западом и Востоком.* М., 1993. С. 76- 91.

¹⁴ *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М., 1994. С. 197 – 233; *Он же.* В помощь исследователю Зарубежной России // *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1995. Кн. 196. С. 348-358; *Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920 – 40)* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2005. № 2. P. 319 – 334.

¹⁵ См.: *Ковалев М.В.* Научный быт русских историков - эмигрантов в Праге 1920-1930-е годы. Автореферат. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 15.

¹⁶ *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1979.

¹⁷ *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.

¹⁸ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987.

На рубеже 1980 – 1990-х гг. различным аспектам эмигрантской общественной мысли был посвящен огромный массив отечественной литературы. В начале XXI в. стало возможным использование материалов об эмиграции, ранее находившихся в спецхранах библиотек, доступ к которым был затруднителен. В 1992 г. увидела свет работа В.Т. Пашуто, в которой была предпринята попытка показать, как эмигрантские историки конструировали прошлое России в своих трудах¹⁹.

Нужно отметить, что 1990-е гг. были ознаменованы небывалым до этого всплеском исследовательского интереса именно к эмигрантской общественной мысли, к изучению эмигрантского сознания, которое видело воплощение идеала в примерах из российской истории, существующих в сознании в виде образов. К такому умозаключению в 1990-е гг. пришли ученые, чей исследовательский интерес заключался в изучении так называемой «Русской идеи» – одного из составляющих философского направления эмигрантской общественной мысли.

«Русская идея» породила в эмиграции размышления о российской истории, поиске ее особого исторического пути развития, идеальной модели государственности, всколыхнула национальные чувства, ею были порождены разговоры о мессианском предназначении русских людей, оказавшихся за границей²⁰. Исследователи О.Д. Волкогонова²¹ и М.В. Назаров²² считают, что в основе названных тенденций лежит некий общественный идеал, или идеальный образ, во многом являющийся результатом эмигрантского мифологизированного сознания.

Большое внимание исследователей в 1990-е гг. было обращено к евразийской тематике. Проблеме евразийства посвятил ряд статей, не потерявших актуальность до сегодняшнего дня, Н.В. Рязановский²³. В 1997 г. была опубликована монография М.Г. Вандалковской²⁴. Продолжением данной тематики в 2000-е гг. стали работы А.В. Антощенко²⁵ и В.Ю. Быстрыкова²⁶.

Серьезный шаг вперед в изучении эмигрантского образа ушедшей России был сделан в 1990-е гг., когда стало возможным изучать весь спектр проблем послереволюционного монархизма, т.е. той категории эмигрантов, которая в 1920-е гг. говорила о реставрации прежних монархических институтов власти и чаще всех искала идеал жизни в образах из российской истории.

¹⁹ Пашуто В.Т. Русские историки- эмигранты в Европе. М., 1992. С. 32-78.

²⁰ См.: Маслин М.А., Андреев А.Л. О русской идее // О России и русской философской культуре. М., 1990; Он же «Велико незнание России...» // Русская идея. М., 1992; Иосифова П.С., Цимбаев Н.И. «Русская идея» как элемент национального сознания // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 2; Дьяков В.А. О давних и нынешних спорах вокруг «Русской идеи» // Славяноведение. 1994. № 6; Он же. «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920-1968 годов // Славяноведение. 1995. № 4; Пискунов В.М. Россия вне России // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994.

²¹ См.: Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. С.271-282.

²² Назаров М.В. Миф, в котором оказалась эмиграция, или чего боялись правые // Наш современник №12. 1993. С. 145-160.

²³ Рязановский Н. А. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 10. С. 29 – 44; Он же. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 387 – 416.

²⁴ См.: Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997.

²⁵ См.: Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь». Петрозаводск, 2003.

²⁶ См.: Быстрыков В.Ю. В поисках Евразии. Самара, 2007.

Изучением эмигрантского консерватизма в 1990-е гг. занимался упомянутый выше М.В. Назаров²⁷. Наиболее полное исследование эмигрантской политической общественной мысли было проведено Н.А. Омельченко²⁸. Им было рассмотрено монархическое и либеральное направления эмигрантской общественной мысли, вопрос зарождения евразийства.

Новизна темы послереволюционного монархизма способствовала тому, что многие молодые исследователи в конце XX в. выбрали различные ее аспекты в качестве предмета своего изучения. Интерес авторов был обращен к следующим вопросам: особенности идей монархии в эмигрантском сообществе, взгляды монархистов на политическое устройство России и их прогнозы на будущее²⁹.

Интерес к послереволюционным политическим эмигрантским течениям и в 2000-е гг. остается неизменно высоким. В настоящее время учеными осваиваются проблемы, связанные с издательской деятельностью в эмиграции, и в связи с этим возрос интерес авторов к изучению и систематизации эмигрантской периодики³⁰.

Саратовским исследователем В.А. Митрохиным в этот период был проведен анализ эмигрантской общественно-политической и философской мысли. Опираясь на широкий круг источников, автор проследил ее динамику от первого этапа послереволюционной эмиграции, когда активно обсуждался вопрос «исторического выбора» для России, и вплоть до конца 1930-х гг., когда этот вопрос вновь стал актуальным. В монографии затронут важный вопрос отношения политической эмиграции к западным культурным ценностям и исследованы работы либералов-западников в эмиграции³¹.

Комплексный подход позволяет современным исследователям изучать различные эмигрантские политические концепции, политическую идеологию, в основе которых, как правило, всегда лежал некий идеальный образ России, сформированный на пережитом, т.е. историческом опыте и, черпающий из него культурные символы и образы. Изучению концепций переустройства мира посвящены работы А.В. Репниковой³², Н.В. Антоненко³³. Венцом изучения

²⁷ См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.

²⁸ См.: Омельченко Н.А. Русский опыт: революция 1917 года в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского Зарубежья (1917 - начала 1930-х). М., 1995; *Он же*. В поисках России. СПб., 1996; *Он же*. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории. М., 1997.

²⁹ См.: Баскаков О.О. Идеология русской монархической эмиграции 20-х–30-х годов XX века. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. М., 1999; Варакса А.Н. Идея монархии в политической мысли Русского зарубежья: 1920-1940-е гг. Автореферат дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2003.

³⁰ Пименов И.В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья (20-30-е годы XX века). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2002; Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918-1940 гг. СПб., 2004; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988). СПб., 2008; Емельянов Ю.Н. История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920-1940-е гг.). М., 2008.

³¹ См.: Митрохин В.А. Русское зарубежье: поиск идей и политическая практика (20-30-е годы XX века). Саратов, 2001.

³² Репникова А.В. Консервативные представители о переустройстве России (к XIX - начала XX веков). М. 2006; *Она же*. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

³³ Антоненко Н.В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2008;

эмигрантских представлений о переустройстве России стала монография В.В. Шелохаева³⁴, в которой рассмотрены проекты по переустройству России эмигрантов консерваторов, либералов, социал-демократов, анархистов и проч.

Нужно оговориться, что в историографии русского зарубежья есть исследования, посвященные образу России. А.В. Лысенко³⁵ проследил трансформацию образа России в русскоязычной прессе Берлина. Но для предлагаемого диссертационного исследования эта работа представляет ограниченный интерес, так как в качестве объекта исследования в работе Лысенко выступает образ России, современной эмигрантам, а не исторической России. В работе А.В. Александрова, несмотря на название «Образ будущей России в общественно-политической жизни Российского Зарубежья 1920-х годов», была предпринята скорее попытка изучения различных моделей-проектов государственного устройства, существовавших в эмиграции, но никак не образ России³⁶.

Изучением образа Древней Руси в историософии русской эмиграции занималась К.Б. Ермишина³⁷. Этой исследовательницей была осуществлена попытка воссоздания целостной картины отношения к древнерусскому наследию в философии русской послереволюционной эмиграции на примере историософских построений евразийцев.

Проблема образа России отчасти затрагивалась в исследованиях саратовских авторов³⁸, среди них отдельно необходимо упомянуть о работах М.В. Ковалева³⁹, которые напрямую соотносятся с темой диссертационного исследования, в них частично освещается проблема формирования образа России, созданного историками – эмигрантами, роль и значимость национальных культурных символов.

Она же. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20-30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2010.

³⁴ Шелохаев В.В. Модели общественного переустройства России XX век. М., 2004.

³⁵ См.: Лысенко А.В. Трансформация образа России в русскоязычной прессе Берлина 20-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 10.1. 1999. №5.

³⁶ См.: Александров А.В. Образ будущей России в общественно-политической жизни Российского Зарубежья 1920-х годов. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. М., 2001.

³⁷ См.: Ермишина К.Б. Образ Древней Руси в историософии русской эмиграции XX в. Автореферат дис. ...канд. филос. наук. М., 2007.

³⁸ См.: Галямичева А.А. Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов, 2009.; Климович Л.В. Идеология и деятельность молодежных организаций Русского Зарубежья в 1920-е начале 1940-х гг. (на материалах Союза Младороссов и Национального Союза Нового Поколения). Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2010.

³⁹ См.: Ковалев М.В. А.С. Пушкин и его творчество в трудах историков русского зарубежья // Изменяющаяся Россия - изменяющаяся литература: художественный опыт XX- XXI веков: Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Ванюков. Саратов, 2006. Вып. I. С.116-120; *Она же.* Петровская эпоха в научном наследии Е.Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып.5. С. 39-53.; *Она же.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Кн. 25/2. С. 119-138; *Она же.* Петр Великий в исторической памяти русской эмиграции // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: Материалы Международной научной конференции (Пятигорск 25-27 апреля 2008 г.). Ставрополь-Пятигорск-М., 2008. С. 334-342.

Из недавно вышедших работ, в которых исследуются образы, следует назвать монографию Н.Н. Козновой⁴⁰. Образ рассматривается ею как художественное средство языка.

Таким образом, следует признать, что комплексный подход, применяемый в современных исследованиях, позволил частично приблизиться к изучению образа России в философской, литературной, политической, научной эмигрантской мысли. Однако попыток проанализировать целостный образ исторической России, существующий не только в сознании интеллектуальных элит, но и транслируемый в массовое сознание по средствам периодической печати еще не предпринималось. Это дает возможность ставить новые исследовательские задачи.

Объектом исследования является специфический комплекс представлений послереволюционной эмиграции о русской истории и образах России.

Предмет исследования – процесс формирования и эволюции общественной мысли русской эмиграции на страницах периодической печати русского зарубежья.

Хронологические рамки включают в себя 1920 – 1930-е годы. Нижний рубеж, 1920-е гг., обусловлен временем зарождения идейных поисков, брожений, психозов, творческой активности среди представителей русской эмиграции, а также началом формирования собственно эмигрантской общественной мысли и обостренным интересом к «Русской идее», когда большинство изгнанников еще не отделяли себя от судьбы родины, а необходимость сделать выбор исторического пути для России осознавалась ими как главная задача. Верхний рубеж – преимущественно середина 1930-х гг., когда основной смысл «Русской идеи» с ее поиском идеальной модели российской государственности теряет первостепенное значение для большей части эмигрантской общественности.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении и анализе образов ушедшей России, сложившихся в эмигрантской среде и зафиксированных в периодике, а также в исследовании основных мотиваций их использования. Намеченная цель определяет постановку целого ряда **задач**:

- проанализировать процессы формирования комплекса представлений эмигрантов об историческом пути России;
- выяснить, каким образом разочарование западными ценностями, инициировало у русских эмигрантов обострение интереса к родной истории;
- охарактеризовать специфику восприятия русской истории эмигрантами, выявить основные тенденции понимания исторических процессов;
- определить эмигрантское отношение к природе русской государственности в контексте исторического спора «западников» и «славянофилов»;

⁴⁰ См.: Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей - эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России. Белгород, 2009.

- рассмотреть «образы Москвы и Петербурга», проанализировать смысл противопоставления этих городов-символов российской державности;
- дать оценку мистицизму эмигрантского мировосприятия, проанализировать всплеск апокалиптических настроений среди эмигрантов первой волны;
- проанализировать феномен эмигрантской «идеи мистического служения», показать общественную роль «образа героя» в определении эмигрантами пути спасения России;
- определить ряд ключевых исторических образов, имевших значение для эмигрантов при выборе путей и судеб российской монархии;
- проанализировать значение образов эмигрантской «пушкинианы» в новом понимании российской истории;
- раскрыть образ идеального монарха и дать сопоставительную оценку собирательному портрету русского государя по материалам дискуссий в эмигрантской периодике;
- проанализировать отношение эмигрантов к феномену русского бунта в связи с формированием подсознательного «образа преходящей смуты», экстраполируемого на события Февральской революции и Октябрьского переворота.

Методологическая основа исследования. Данное исследование находится на стыке нескольких исследовательских направлений в русле «новой интеллектуальной истории». Первое направление позволяет исследовать индивидуальную и коллективную историческую память. Историческая память является «одним из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом»⁴¹. Объективность выбора этого направления объясняется спецификой темы диссертационного исследования, которая обращается к историческому сознанию эмигрантов, а ему в свою очередь, свойственно «запоминать» события в форме различных образов, стереотипов, символов, мифов.

Поскольку предмет изучения предполагает интерпретацию образов ушедшей России, его исследование было осуществлено также в рамках имагологического направления, которое занимается изучением образа «чужого» и «своего» в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи⁴². Сознание человека, давая различную оценку тем или иным явлениям, разделяет их на «знакомое» и «незнакомое». Так как человек опирается, прежде всего, на личный опыт, знакомое квалифицируется им как «свое», а незнакомое как «чужое»⁴³. Подобная практика существовала в эмиграции по отношению к Западу, который выступая в роли «чужого», автоматически становился «врагом». Изучение эмигрантских образов ушедшей

⁴¹ Ретина Л.П. Опыт революций как фактор социального проектирования: к постановке проблемы // Образ войны и революции в исторической памяти: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 24-25 апреля 2009 г. Пятигорск; Ставрополь; Москва, 2009. С. 7.

⁴² См.: Ощепков А.Р. Имагология // Энциклопедия гуманитарных наук. 2010. № 1. С. 251.

⁴³ См. об этом: Одиссей. Человек в истории: образ «другого» в культуре. М., 1993; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999; Лучицкая С.И. Образ Другого: проблематика исследования // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001.

России в этом плане является специфичным. Наряду с антитезой «свой» – «чужой», где в роли своего выступает образ дореволюционной России, а в роли чужого – образ Запада, существует антитеза «свой» – «свой чужой», где своим и одновременно чужим является образ Петербурга и Медного всадника, так как представляет собой отражение европейского, западного влияния на русскую культуру.

Так как в предлагаемом исследовании изучается эмигрантское сознание, и главное внимание в работе отводится анализу нарративов, то в качестве одного из методов исследования был использован герменевтический метод, позволяющий интерпретировать историческую реальность посредством научного толкования текста.

Основную *источниковую базу исследования* составили эмигрантские журналы. Среди них особое место занимает монархическая публицистика, отличающаяся ярко выраженным пропагандистским характером. К ней относятся «Державная Русь: национально-монархический легитимный орган»; «Правое дело»; «Вестник монархиста»; «Русская правда», «Высший Монархический Совет», «Святая Русь» «Двуглавый орел» и др.⁴⁴. На страницах монархических журналов ярче всего выявляют, что эмигрантское сознание зачастую было мифологизированным. Мифы о выборе судьбы, об идеальном царе нашли отображение почти во всех монархических журналах 20-х годов прошлого века.

В диссертационной работе использованы также периодические издания националистического толка: «Вестник Русского Национального Комитета», «Борьба за Россию», «Третья Россия», «Утверждения», «Русский временник»⁴⁵. Особенность националистических журналов состоит в том, что их далеко не всегда интересовала природа монархии и царской власти как таковая. Основной акцент делался на исторических личностях – героях, чей пример можно было использовать как руководство к действию в деле строительства «нового русского государства».

Наряду с монархической периодикой в работе над диссертацией были использованы журналы, названные в подзаголовках литературными, или литературно-политическими. К таким журналам относятся «Современные записки», «Русская мысль», «Воля России», «Луч Азии»⁴⁶. Эти журналы зачастую тоже были политизированы, как журналы монархистов и националистов, с той лишь особенностью, что авторы их статей мотивировали общественность к определенным действиям, подкрепляя свою аргументацию красочными выдержками из художественной литературы.

Среди литературных изданий следует упомянуть такие журналы политической сатиры, как «Бич» и журнал политической карикатуры на

⁴⁴ Державная Русь: национально-монархический легитимный орган. 1923; Вестник русского монархического объединения в Баварии. Мюнхен, 1923; Вестник монархиста. 1930-1931; Русская правда. 1927; Высший монархический совет. 1923-1926; Двуглавый орел. 1921-1927; Святая Русь. 1924.

⁴⁵ Вестник Русского Национального Комитета. 1923; Борьба за Россию. 1926-1927. Третья Россия. 1932-1939; Утверждение. 1931-1932; Русский временник. 1937-1939.

⁴⁶ Современные записки. 1920-1940; Русская мысль. 1921-1927; Воля России. 1922-1925; Луч Азии. 1934-1939.

деятели большевистской России «Герои смутного времени». Весьма примечателен явный оттенок политической иронии, сквозивший не только в статьях этих журналов⁴⁷, но даже в самих названиях. В работе использовались журналы и чисто литературной направленности, такие как «Числа», «Версты», «Голос минувшего на чужой стороне», «Русь». Литературные периодические издания помимо того, что содержат самые яркие образы, оказались полезными при попытках выявить общественные предпочтения.

В ряду публицистических источников отдельно следует упомянуть детские и юношеские журналы и альманахи: «За Русь. За веру», «Пути русского сокольства», «Студенческие годы», «Зеленая палочка», «Медный всадник»⁴⁸. Детские и юношеские журналы оперируют образами в некой предельной конкретике, схваченности, выжимке из самого главного, что в некотором роде уже приближает образ к общественному стереотипу. В данном отношении было небезынтересно проследить, какие именно образы или стереотипы предлагались подрастающим поколениям юных эмигрантов для формирования их восприятия исторического наследия Родины.

Проблемы, ставившиеся на страницах периодики, находили отображение в других видах источников: в политических брошюрах, аналитических работах, опубликованных в научных изданиях и художественных произведениях. Все они, по сути, содержали примерно тот же круг вопросов, что был очерчен эмигрантскими журналами. И точно так же в них присутствуют основные тенденции эмигрантской общественной мысли. Прослеживается в них и стремление придать мистический характер причинам событий, произошедших в России в начале XX века. На волне мистицизма в эмиграции много было написано о масонах⁴⁹. Тенденция поиска исторических параллелей охватывала практически все виды эмигрантских печатных изданий, и большинство образов исторических героев обнаруживается в работах, касающихся революции⁵⁰.

Зато призывы к борьбе, к спасению России, столь многочисленные на страницах журналов, в прочих эмигрантских изданиях весьма редки, а если и встречаются, то в политических брошюрах или в художественных произведениях⁵¹. Любой призыв должен действовать незамедлительно и доходить до читателя в кратчайшие сроки, и публицистика для такого воздействия была гораздо удобнее.

На страницах книг и брошюр, издаваемых в эмиграции, наиболее обсуждаемой была тема возрождения монархии. Дискутировалась философская категория природы института царской власти, и все рассуждения

⁴⁷ Бич. 1920. Герои смутного времени: [Альманах карикатур]. Берлин, 1921; Числа. 1930-1934; Версты. 1926-1928; Голос минувшего на чужой стороне. 1926-1928; Русь. 1920-1921.

⁴⁸ За Русь. За веру. 1928. Пути русского сокольства. 1938-1940. Студенческие годы. 1925. Медный всадник. Берлин, Б. г.; Русская земля. Париж, 1928.

⁴⁹ Свитков Н. Масонство в русской эмиграции. Париж, 1932; Лукин Ю.Н. В мире символов. Харбин, 1936; Бостунич Г. Масонство в своей сущности и проявлениях. Белград, 1928; Он же. Масонство и русская революция: Правда мистическая и правда реальная. Нови Сад, 1922.

⁵⁰ Алданов М. Огонь и дым. Париж, 1922. С. 27; Святополк-Мирский Д. Чем объяснить наше прошлое, чего ждать от нашего будущего. Париж, 1926; Горный Сергей. Пугачев или Петр? Душа народа. Психологические этюды. Берлин, 1922; Устрялов Н.В. Путь термидора. Прага, 1921.

⁵¹ К великой цели. София, 1927; Мережковский Д. Александр I и декабристы. Берлин, 1925.

сопровождались историческими экскурсами. В связи с этим выходили сборники и брошюры, посвященные последнему царствованию, а также апологетические сочинения, призванные благообразить уцелевших представителей династии Романовых, претендующих в эмиграции на российский престол⁵². Самые оптимистичные прогнозы по поводу возрождения монархии содержатся в работах деятелей, чья миссия в эмиграции была направлена на сохранение русских христианских ценностей⁵³.

Источниковая база диссертации значительно расширена неопубликованными документами из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Российского государственного архива литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Материалы фонда редакций газет «Дни» (Ф. 5878.) и «Последние новости» (Ф. 6845.), хранящиеся в ГАРФ, представлены письмами и статьями, в которых отражен широкий общественный интерес к родной истории⁵⁴. Материалы, хранящиеся в РГАЛИ, представлены документами фонда «Союз русских писателей и журналистов в Югославии» (Ф. 2482), а также личных фондов публициста и переводчика М.А. Сукенникова (Ф. 2293) и публициста А.В. Амфитеатрова (Ф. 34)⁵⁵.

Научная новизна определяется тем, что в работе впервые проведен комплексный анализ сложного составного эмигрантского образа ушедшей России. Предпринята попытка проанализировать основные мотивации использования этого образа авторами статей в пропагандистских периодических изданиях. Введение в оборот ранее не изученных архивных материалов, постановка нового круга вопросов, использование современной научной методологии позволяет по-новому взглянуть на развитие общественной мысли представителей русской интеллигенции в эмиграции.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть полезными для дальнейшего изучения российской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., а так же в подготовке курсов лекций и специальных курсов, методических пособий для семинарских занятий, учебных пособий по истории России

Положения, выносимые на защиту

- сложный многочастный образ исторической России формировался в эмигрантском сознании под влиянием нескольких факторов. Основными

⁵² Памяти царственных мучеников. Сборник статей посвященных памяти императора Николая II и его семьи. София, 1930; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II комитет по изданию истории царствования императора Николая II. Белград, 1939; *Сухомлинов В.А.* Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925; Кирилл 1-й Владимирович. Государь император Всероссийский в изгнании: 1876-1938: мемориальный сборник к 130-летию со дня рождения. М., 2006.

⁵³ *Левитский В.* О любви к отечеству и народной гордости. Царьград, 1921; *Зворыкин Н.Н.* К возрождению России. Париж, 1929; *Карташев А.В.* Св. Великий Князь Владимир - Отец русской культуры. Издание Владимирского юбилейного Комитета при Управлении Митрополита Православных Русских церковей в Европе. Шанхай, 1938; *Ильин И.* О грядущей России. Путь духовного обновления. М., 2006; Речь профессора И.А. Ильина // Светлой памяти короля Витязя Александра Объединителя. Белград, 1934. С. 16.; Речь Генерал - Майора Гернгросса // Там же. С. 33.; Вступительное слово председателя собрания В.Н. Штрандтмана // Там же С. 12.; *Соколов Б.А.* Петербург и Москва // Образ России. Симфония чувств родины. Гельсингфорс, 1926. С. 22.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Дд. 17, 321, 1115, 112, 374, 232, 157, 215, 233, 324; Ф. 6845. Оп. 1. Дд. 51, 93, 193, 297;

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 114; Ф. 2293. Оп. 1. Д. 95; Ф. 2482. Оп. 1. Дд. 83, 91.

условиями складывания образа послужили разочарование в западном общественном идеале, эмигрантские ностальгические настроения, обращение эмигрантской общественности к известным постулатам учений западников и славянофилов, продиктованное существовавшим в эмиграции так называемыми мифами и пропаганда.

- формирование образа ушедшей России зависело также от того, как эмигрантами понимался российский исторический процесс. В эмиграции существовало циклическое и апокалиптическое восприятие истории. Циклическое восприятие делало акцент на моментах непрерывной повторяемости в историческом процессе, а апокалиптическое – на моменте окончания цикла. Не принимая в расчет философское понимание природы апокалипсиса, молодое поколение эмигрантов трактовало его как конец одной истории, являющийся обязательным условием для начала принципиально новой.

- специфика восприятия эмигрантами российского исторического процесса обуславливала эмигрантские предпочтения, лежащие в основе складываемого ими идеального образа монарха. Та часть монархической эмиграции, которая верила в возрождение института монархии, формировала идеальный образ правителя, обращаясь только к историческим персонам царей. В свою очередь, те эмигранты, которые не исключали иной формы для будущего устройства российской государственности, формируя идеал правителя, обращались не только к персонам монархов, но и к примерам исторических личностей, обслуживающих институт монархии.

- наиболее распространенными художественными образами в эмиграции были пушкинские образы истории России, которые считались самыми достоверными даже профессиональными историками, да и сам поэт считался историком. За положительные образы, созданные классиком литературы, в эмигрантских кругах шла негласная борьба.

- эмигранты не создали принципиально нового образа исторической России. Транслируемые ими варианты образов были широко известными, популярными, знакомыми едва ли не каждому русскому человеку. Именно на использовании таких образов строился принцип работы монархических пропагандистских изданий. Для того чтобы заставить читателя совершать необходимые поступки, известный образ наделялся той или иной необходимой мотивацией, в связи с чем, образы становились активными.

- Образы, выдернутые из исторического контекста, должны были подвигнуть читателя на конкретные инициативы такие как: принятие мер в деле реставрации монархии или создания новой формы государственности для России, избрание царя, признание представителей рода Романовых в эмиграции реальными претендентами на престол, решение вопроса легитимности власти, воспитание поколения людей преобразователей или готовых обслуживать новые государственные институты и проч.

Апробация основных результатов. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре истории России, на конференциях различных уровней: «История экономика культура: взгляд молодых исследователей» Всероссийская

научная конференция аспирантов и молодых ученых (СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 14 февраля 2009 г.); «Ноябрьские чтения»: Межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (СПбГУ, 23-27 ноября 2009 г.); «История, экономика, культура: взгляд молодых исследователей: Всероссийская научная конференция аспирантов и молодых ученых (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 10 февраля 2010 г.); «Турция – мост между Западом и Востоком: история, культура, политика и образование» (Саратов, Центр туристического языка и культуры, 30 апреля 2010 г.)

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна исследования, определяются объект и предмет, цель и задачи работы, обозначаются ее хронологические рамки, характеризуются источники и литература по теме, а также определяется методологическая база работы.

В **первой главе «Эмигранты об историческом пути России»** исследуется эмигрантское восприятие отечественной истории, обращение к которой во многом было обусловлено разочарованием в западном общественном идеале. Причины этого разочарования также выявляются в главе. На примере эмигрантской публицистики прослеживаются существовавшие в русском зарубежье отголоски идей славянофильства и западничества.

В **первом параграфе «Эмигранты о Европе: Разочарование Западом»** рассмотрены основные причины, повлиявшие на формирование образа Запада в эмигрантской среде. Русские люди, оказавшиеся за рубежом, были движимы идеей поиска нового общественного идеала. Его контуры были очерчены в России еще со времен западников и славянофилов. Постигшее эмигрантов разочарование европейскими ценностями объясняется автором несколькими причинами.

Первая причина связана с тем, что многие европейские страны не оказали должного внимания беженцам из бывшей российской империи. Нагляднее всего это прослеживается на примере эмигрантов, осевших в Константинополе, городе, в котором, по мнению исследователей, положение беженцев было самым тяжелым. Следующая причина разочарования Западом связана с тем, что европейские страны признали власть большевиков в бывшей российской империи законной. Самый большой взрыв негодования против Запада был связан с поддержанием Европой так называемого «мифа об Украине».

Суть мифа заключалась в стремлении некоторых идеологов украинской самостийности пространными экскурсами в историю Киевской Руси и России обосновать идею особого нерусского происхождения украинцев. На фоне нереализованных завышенных ожиданий от Европы, а так же сложностей эмигрантской адаптации в эмиграции формируется негативный образ Запада. По отношению к Западу все чаще стала звучать тема «умирания», «смерти»,

«врага», при этом любое проявление западного влияния на русскую культуру оценивалось отрицательно.

На этой волне активизируются, существовавшие еще со времен основания Петербурга разговоры о том, что этот город, как привнесенный элемент из европейской культуры обречен на «смерть». Воплощением фатального рока Петербурга стал Медный Всадник.

Образ «чужого» непохожего, а потому неприемлемого частью эмиграции Запада формировался также при сравнении русского и европейского национальных характеров и мировоззренческих установок. Одинаково неприемлемыми для эмигрантов оказались особенности европейских характеров, такие как «овеществляющего людей», и «одушевления вещей».

Во *втором параграфе «Восприятие истории эмигрантами: цикличность и апокалиптичность»* автором анализируется специфика эмигрантского восприятия истории. В рамках российской тематики эмигрантами поднимался вопрос о путях дальнейшего развития родины. Попытки дать на него ответ всегда сопровождалась историческими экскурсами. Автором были выделены два способа объяснения эмигрантами российского исторического процесса. Первый условно был назван «циклическим», а второй – «апокалиптическим». Суть первого способа состоит в том, что события современности находили в эмигрантском сознании аналогии в прошлом российской истории, а исторический процесс считался predetermined.

Апокалиптический подход, как и циклический, подводил к необходимости покориться происходящему. Если циклический подход сулил повторение истории, то апокалиптический предвещал ее конец. Отсюда такое множество бытовавших в эмигрантской среде разговоров о гибели западной цивилизации, популярность темы Атлантиды, апеллирование к формуле «Москва – Третий Рим», различных пророчеств и, наконец, обращение к объекту эсхатологии – апокалипсису. Разделяющие эсхатологическое видение проблемы эмигранты считали себя свидетелями случившегося апокалипсиса.

Эмигранты, воспринимающие исторический процесс циклически, искали подтверждение в существовании повторяемости истории на примере русской и французской революций – это доказывало повторяемость истории в рамках общеевропейского исторического процесса. В свою очередь, чтобы доказать цикличность в рамках российской истории, герои русской революции сравнивались с ее персонажами. Чаще всего «революционными» характеристиками наделялись образы Петра I и Ивана Грозного.

Второй способ восприятия истории эмигрантами – апокалиптический – получил широкое распространение среди философов в эмиграции. На волне апокалиптических настроений активно выступала также эмигрантская молодежь, признававшая в апокалипсисе с одной стороны конец истории, а с другой, – рассматривала его, как необходимый этап для начала чего-то принципиально нового и прежде всего для выработки новой формы российской государственности. В осуществлении этого дела необходимы были уже известные сценарии поведения, опыт удачного государственного строительства, поэтому не удивительно, что главным героем тех эмигрантов,

которые признавали апокалипсис свершившимся, а конец истории – фактом, являлся все тот же Петр I.

Несмотря на то, что в эмигрантской среде существовало разное понимание российского исторического процесса, и эмигранты с циклическим восприятием истории, и те, кто признавал в 1917 году апокалипсис истории России – все задавались вопросом будущности отчизны.

В третьем параграфе «Идеи новых «западников» и «славянофилов» в эмигрантской периодике: образы Москвы и Петербурга анализируются существующие в эмиграции отголоски идейных споров представителей западников и славянофилов.

Славянофильски ориентированная пропагандистская периодика активно использовала патриархальный образ Москвы-матушки, надеясь всколыхнуть в эмигрантских сердцах патриотические чувства к родной старине. Представления о подлинной «русскости», почитаемой древности, идеале традиционной государственности воплощались в устойчивых образах первой столицы. Симпатизирующие славянофильским настроениям эмигранты и за границей продолжали выстраивать образ Москвы, как символа единого сильного русского государства, противопоставляя его постулату, которым пользовались западники, – образу Петровской Руси.

В эмиграции сложный образ Москвы являлся воплощением не только российской государственности, но и российской цивилизации, сформировавшейся на культурной основе Востока. Выступая в такой качественной характеристике, этот образ выполнял функцию противопоставления западной культуре. Образ Москвы как мессианского города, противостоящего бездуховному Западу, для эмигрантов был не новым и активно используемым.

С большим воодушевлением часть эмигрантской общественности восприняла второе рождение архаичной концепции «Москва – Третий Рим». Формируя собирательный облик христианской России, наделенной миссией спасения, помимо постулата «Москвы – Третьего Рима» пропагандистская литература за рубежом также активно использовала образ «Святого Владимира». Эти образы были призваны создать вокруг России ореол святости и дать надежду на спасение, хотя бы через веру.

«Западниками» в эмиграции можно условно назвать тех, кто придерживался принципа «мы те – кто не славянофилы». В данном контексте интересно отметить, что в публицистических источниках русского зарубежья ни разу не встречено имени общественно-политического звучания, которое открыто позиционировало бы себя сторонником идей «западничества».

Главным героем, столпом идеи для тех, кто отстаивал интересы династии по традиции западников, оставался Петр I – «державный зодчий Империи Российской», «сказочный витязь, преодолевающий все препятствия».

Издания различного политического толка использовали похожие образы двух столиц на страницах своих журналов. Москва и Петербург, два города-символа старой России являлись для эмигрантского сознания ярчайшими образами утраченного прошлого. Продолжая видеть Москву в образе

хлебосольного, нарядного, как ярмарка или декорация, где-то лубочного, провинциального города, а Петербург в образе имперской столицы, эмигранты часто использовали эти художественные образные средства языка как иллюстрации к своим размышлениям о путях развития России.

Во второй главе «Мистический компонент эмигрантского восприятия» рассмотрено влияние мистических отголосков Серебряного века на эмигрантское общественное сознание. В контексте мистицизма раскрывается смысл пропагандируемых эмигрантской периодикой идей подвига и служения.

В первом параграфе «Всплеск интереса к мистике в эмигрантской среде» речь идет о проявившейся в эмиграции тяге к мистицизму. Переломные моменты истории нередко провоцируют повышение общественного интереса к сюжетам сверхъестественного характера. Как правило, такие варианты массового критического мышления развиваются в обстановке обостренного мистицизма и сопровождаются всплесками религиозного чувства, верой в божественное провидение, несбыточными надеждами на чудо. В среде эмигрантов, покинувших родину после революции и гражданской войны, подобные явления были обычны.

Проблема мистицизма, его первопричины и психологический контекст вряд ли были интересны широкой публике. Волновал, скорее, момент «тайны», «чуда», возможность надеяться на то, чего, казалось бы, никак не может быть. Примеры мистического искались в отечественной истории. При помощи мистических образов Павла I и Александра I эмигрантские читатели убеждались в том, что всегда есть область мистики, а значит, она есть и в их настоящем, нужно только верить в это. Эмигрантская публицистика уловила потребность общественности в этих мистических волнениях и придуманными историями с «чудесными» образами пыталась воздействовать на читателя. Мотивации оставались прежними – убедить в необходимости реанимации монархии и избрания царя. Используя мистическое в идеях и образах, можно было не объяснять практическую сторону реставрации монархии, поскольку область мистики необъяснима. Необходимо просто верить в абстрактное чудо, в котором само собой случится все: избрание государя, спасение родины, торжество православия – как после монголо-татарского нашествия или Смуты.

Во втором параграфе «Идея служения: Поиск героя» рассматривается, как идеи мистицизма находили в эмигрантских кругах практическое применение. Мистицизм, свойственный психологии и мышлению эмигрантов, нередко порождал в их среде самые разнообразные, порой причудливые формы общественной жизнедеятельности. Как правило, все они, прямо или косвенно, имели отношение к проблеме покинутой родины. Идея создания в эмиграции рыцарских орденов относится к числу подобной активности. Тема рыцарства главным образом была ориентирована на эмигрантскую молодежь и студенчество. Именно к этой наиболее восприимчивой аудитории с призывами осознать в себе рыцарей обращались эмигрантская публицистика, в том числе пропагандистского толка, с той лишь разницей, что одни предлагали создание ордена для некоего отвлеченного служения новой России, а другие - решительно призывали возродить старую Россию и искали в российской истории какие-

либо конкретные прецеденты крестовых походов или аналогичных служений на благо родины.

Война с Турцией 1877-1878 гг. была избрана публицистами в качестве одного из примеров российской истории, от которого эмигранты заряжались духом крестового похода. Еще одним наглядным примером рыцарственного служения для эмигрантов стал подвиг югославского короля Александра I, заключавшийся в объединении славянских народов на Балканах. Помимо короля Югославии «витязем» в эмиграции называли также легендарного князя Александра Невского. Особенно популярен образ Александра Невского стал в эмиграции к концу 1930-х гг., когда вновь возникла угроза нападения иноземных захватчиков на Россию.

Помимо рыцарских орденов идеей служения на благо будущей России эмигрантское сознание наделило находившихся в эмиграции бывших представителей царской армии. Идею служения России через институт белой армии активно развивали в эмигрантской журналистике. Пропагандировалась и освещалась работа различных обществ содействия и кружков, в частности учрежденного за границей молодежного «кружка витязей», который был призван воспитать новых героев, черпая примеры из героического прошлого России на основе православной морали.

Эмигрантская идея служения подразумевала также личностный подвиг каждого человека. Одним из эталонов такого подвижничества в деле спасения монархии стал образ А.В. Суворова. Он прекрасно подходил идеалам служения отчизне и сочетал в себе не только почтительное отношение к царской власти, но и примеры удачи, везения, веры в то, что желаемое возможно. В качестве ярких примеров служения пропагандистская пресса использовала образы Дмитрия Минина, Козьмы Пожарского и Петра Великого. Образ последнего в контексте идеи служения не обращал главного внимания на статусную роль императора российского, наоборот, всячески подчеркивалось, что подвиг Петра Первого – это подвиг, в первую очередь, человека.

В третьей главе «Образы монархии в эмигрантской периодике» рассматривается эмигрантское представление об идеальной монархии, идеальном царе, изучаются основные мотивации использования эмигрантскими монархическими журналами образа «смуты».

В первом параграфе «История России в пушкинских образах» рассматривается влияние художественных образов исторической России, оставленных А.С. Пушкиным. Тема русского классика была необычайно популярна в эмиграции, и превратилась, в некотором роде, в модную тенденцию. Главной причиной такого положения представляется тот факт, что основным мотивом творчества Александра Сергеевича была русская история.

В пушкинском наследии эмигранты искали воспоминания о мощи русского государства, блеске империи, историю, которая могла радовать. Покинувшим родину людям важен был именно исторический контекст произведений. Недаром эмиграция часто искала дополнительные доводы в пользу того, чтобы назвать А.С. Пушкина историком. Доказательство того, что Пушкин – историк, для эмигрантов имело определенную ценность. Признав

поэта историком, можно было смело нагружать образы из его произведений дополнительными функциями. К этим образам можно было прибегать, чтобы косвенно подкреплять некую политическую аргументацию, а на мнение Пушкина можно было сослаться как на авторитетное мнение знатока истории.

Если профессиональные ученые не спешили записывать романы Пушкина в ранг подлинно исторических произведений, то пропагандистская монархическая публицистика уверенно относила Пушкина к историкам и с удовольствием обосновывала свои монархические притязания образами из его произведений, таких как «Полтава», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Арап Петра Великого».

Одна из задач новых интерпретаторов пушкинских образов состояла в том, чтобы вызвать позитивные и «правильные» эмоции. «Правильным» некоторая часть эмиграции считала восстановление монархического строя, и пушкинские фигуры литературной речи подходили идеально.

Пушкинские образы Петра I, Медного Всадника, Петербурга, как три составляющие единого образа империи, пользовались популярностью в эмигрантских кругах. С их помощью творчески настроенная эмиграция пыталась убедить общественность в необходимости вырастить за границей новых «Петров-строителей», которые в дерзновенном порыве создадут новую империю. Образ «Медного Всадника» был еще более распространенным, так как с его помощью эмиграция имела возможность одновременно и превозносить, и порицать политику Петра.

Для одних «Медный Всадник» был надеждой на лучшее, для других – способом предупредить о неизбежности грядущих катастроф. Так как пушкинские образы крепко сидели в российском общественном сознании уже почти столетие, эмигрантская политическая пропаганда не упускала случая обратиться к ним. А для того, чтобы они казались не просто образами, а исторической правдой, эмиграция тратила силы и время на то, чтобы доказать себе, что Пушкин не просто поэт и мировое культурное явление, а еще и глубокий ученый-историк.

Во *втором параграфе «Образ царя: Поиск идеала»* характеризуется существующая в эмигрантских монархических кругах тенденция поиска идеального царя. В начале XX века в общественном сознании значительной части россиян, в том числе и эмигрировавших из бушующей страны, сложный образ Великой России содержал в качестве одного из основных компонентов образ самодержца. В связи с этим возникал существенный вопрос, каким именно должен быть новоизбранный царь.

Имя Николая II и вся династия Романовых как составляющие образа Российской империи были популярны в эмиграции и получили различные оценки. Но отнюдь не всегда эта популярность подразумевала положительное отношение к царственным персонам из рода Романовых. Несмотря на то, что монархистская публицистика на волне поиска эмигрантами идеала русского царя всячески подчеркивала религиозность и жертвенную участь Николая II как необходимые качества, которыми должен обладать русский самодержец, этого было уже недостаточно. Потомки Романовых, как реальные претенденты на

русский престол, и фигура Николая II, как воплощение идеала русского царя, сохраняли реальную популярность только в ограниченном эмигрантском кругу.

В эмигрантской монархической периодике образ идеального царя обязательно сопровождался эпитетами «православный», «русский». В качестве примера приводилась фигура царя Ивана Грозного, образ которого в эмигрантском сознании претерпел некоторую трансформацию. Иван IV в эмигрантском сознании стал царем не столько грозным, сколько «твердым», «справедливым», и в первую очередь – «русским».

Вторым примером образа идеального царя являлся образ все того же Петра Великого. Образ императора был одним из самых популярных среди персонифицированных образов русских монархов, его имя всегда возникало как сравнительный эталон, когда речь заходила о прошлой или будущей монархии, и также имело разные оценки. Эмигранты не привнесли ничего принципиально нового в моделируемый образ Петра, но то положительное восприятие, которое сформировалось еще до революции к пушкинскому образу, рисуящему Петра сильным и удачливым правителем России, был очень популярен в эмиграции и его старались сохранить.

В большинстве случаев только положительный образ Петра I считался в среде читающей эмиграции правдивым, историческим и отвечающим настоящей сущности правителя России. Традиция изображать Петра в лучах имперского света, который затмевал недостатки и превращал их в осознанную необходимость, призванную управлять делами государства, никуда не исчезла за границей.

В *третьем параграфе «Образ смуты. Попытки осознания февральского «бунта»* характеризуется эмигрантское представление о революции, которое зачастую отождествлялась с понятием «смуты». Такое понимание произошедшего в России в 1917 г. позволяло надеяться на реставрацию монархии и царской власти.

В эмигрантской публицистике разных политических направлений говорилось о свершившейся в России смене власти как о «смуте», «бунте» или «перевороте». Но особенно следует отметить позиции монархистских изданий, так как в них формировались наиболее завершенные образы смутных явлений русской истории.

Монархисты, наиболее мотивированная часть эмиграции, в своей публицистической деятельности за рубежом благодаря образу «смуты» решали конкретные исторические задачи. Первая мотивация к использованию этого образа была связана с необходимостью «оправдания монархии». Монархисты пытались оправдать и последнего царя, и династию Романовых в целом, и само право на существование монархии. Эмигрантской публицистикой пропагандистского толка подчеркивалась мысль о том, что династия Романовых возникла как раз благодаря смуте.

Формируемое в обществе эмигрантов циклическое восприятие истории облегчало выбор людей в пользу монархии, в публицистике приводились примеры из прошлого, убеждающие в том, что по циклическим законам

истории и благодаря национальному сознанию, которое остается монархическим, торжество монархии будет неизбежно.

Вторая задача образа «смуты» была продиктована мистическими настроениями, существовавшими в эмиграции, и состояла в том, чтобы убедить эмигрантов в возможности возрождения монархии как таковой при существующих условиях. Для этого монархической пропагандой предлагалось не просчитывать реальные возможности этого акта, а просто поверить в чудо, поскольку само происхождение государственной власти глубоко мистично.

Следующая мотивация, послужившая обоснованию образа «смуты», преследовала цель убедить эмиграцию в необходимости избрания царя. Пропагандистская публицистика убеждала в том, что избрание нового монарха – это единственный способ спасти Россию. Подобно тому, как Россия была спасена в 1613 г., точно так же она будет возрождена, при избрании на престол одного из потомков Романовых.

В качестве самой конъюнктурной из мотиваций образа «смуты», используемой монархистами, можно назвать попытку решения острой проблемы легитимности власти. И здесь уверенно можно отметить, что обращение к историческим сюжетам прошлого было основным методом агитационной борьбы противоборствующих лагерей «кирилловцев» и «николаевцев» в борьбе за власть и императорский титул.

Образы Минина и Пожарского были в центре внимания эмигрантских журналов, поддерживающих фигуру Николая Николаевича, для которого обращение к этим историческим персонам был весьма удобно, так как реальные результаты их борьбы Россия ощутила на себе, а история уже давно дала им высокую положительную оценку. Память об их подвиге была настолько живой, что вполне позволяла конкурировать внуку Николая I Николаю Николаевичу с внуком Александра II и двоюродным братом Николая II Кириллом Владимировичем в борьбе за власть, пренебрегая законопослушанием и в обход юридических прав.

В **заключении** сформулированы основные выводы. Образ ушедшей России формировался эмигрантами в зависимости от восприятия ими природы исторического процесса, которое у них было либо циклическое – настаивающее на непрерывности и повторении событий в истории, либо апокалиптическое – признающее конечность одной истории, как необходимое условие для качественно нового этапа исторического развития.

Эмигрантское образное представление об истории России было в значительной степени мифологизированным. Это провоцировало обращение к присущим русскому общественному сознанию мифам. Так называемый миф «об идеале» сподвиг эмигрантов на поиск примеров идеальной модели государственного управления на Западе или же в контексте российской истории; «миф о выборе» оживил в эмигрантском сознании исторический спор западников и славянофилов; миф «о мессианской роли русского народа» воскресил надежду на возрождение России в ее духовности и отчасти способствовал оправданию эмигрантского существования за границей, так как многие представители русской эмиграции считали, что за границей они

выполняют миссию по спасению российского культурно-исторического наследия. Мифологизированность эмигрантского представления об отечественной истории легко приводила его в область мистики.

Мистический компонент эмигрантского мифологизированного сознания нагляднее всего демонстрировался политически ангажированной эмигрантской публицистикой, которая распространяла мифы мистического содержания, среди которых миф «о спасении царской семьи» и миф «о масонском заговоре» были наиболее широко популярными. Область мистики имела выход и в конкретных эмигрантских действиях, в создании всевозможных орденов по спасению России. Причем удачное оперирование мистическими настроениями могло внушать уверенность, надежду, вдохновлять на подвиг, казалось бы, в совершенно безнадежном деле – в деле возрождения империи. Чтобы убедить читателя в возможности восстановления прежней России монархическим изданиям оставалось прибегать только к мистическому способу, либо к очень сильным, сидящим глубоко в сознании положительным образам монархии, так как рациональная логика давала в этом плане весьма печальные прогнозы.

Несмотря на очевидный провал в политическом управлении страной последнего российского императора, монархическая тема была широко распространена среди русских за рубежом и получила самые разные оценочные характеристики, в том числе положительные, а часть политической эмиграции вообще лелеяла надежды на восстановление режима. Ее представители играли на ностальгических настроениях и искали способы сформировать положительный образ монархии, и для этого очень кстати пришлось наследие классика русской литературы А.С. Пушкина. Преисполненная осознанием своей мессианской роли по сохранению русской культуры в изгнании, эмиграция канонизировало имя Пушкина, назначив годовщину со дня его смерти Днем русской культуры.

Восстановление института монархии предлагалось начать с царя. Образ царя формировался среди эмигрантов под действием все того же мифа «об идеале», а также мифа «о праведном царе». К «праведным» монархическая публицистика чаще всего относил Петра I и Ивана Грозного. На волне распространенных мистических настроений популярность приобрели образы Павла I и Александра I, подчеркивалась и мистичность в характере Николая II. Монархическая публицистика убеждала в возможности реставрации монархии и необходимости избрания царя при помощи образа смуты. Политически ангажированная пресса, играя на циклическом восприятии истории у части эмигрантов, прибегала к образу смуты чтобы доказать, что сценарий истории имеет обыкновение повторяться.

Говоря об образах ушедшей России, нужно иметь в виду, что на страницах периодических изданий их использование осуществлялось не по принципу уровня популярности. Посыл к действию был несколько иным. Нужен был определенный набор образов, способный сформировать конкретную мотивацию. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что в эмигрантских журналах почти не встречаются образы декабристов, хотя эта

тема активно муссировалась эмигрантами, особенно в дни юбилея восстания на Сенатской площади.

В то же время, образы обязательно должны были быть знакомыми и широко распространенными, глубоко сидящими в общественном сознании, не требующими дополнительной расшифровки, когда речь заходила о том или ином историческом герое, знаковом событии. Этим можно объяснить крайне небольшое количество иллюстраций, подробных описаний образов. Примеры, когда образ детально прописывался, встречаются на страницах эмигрантской периодики, но лишь в тех случаях, когда привычному пониманию образа придавались новые, «неожиданные», или «нежелательные» характеристики. Показателем этого служит дискуссия, разгоревшаяся вокруг нелицеприятного образа Петра, созданного А.Н. Толстым и противоречащего высоким пушкинским трактовкам.

По сути, эмигранты прибегали к различным образам, преследуя цель сформировать на основе своих представлений об истории идеалов жизни, государства, правителя. Сложносоставной, многозначный и противоречивый образ ушедшей России существовал как синтез отдельных образов, комбинации которых на страницах эмигрантских периодических изданий могли обслуживать идею монархии, а также идею спасения через святость и «русскость», идею создания новой «Третьей России».

Эмиграция не изобрела каких-либо собственных, принципиально новых образов ушедшей России. Русские люди за границей пользовались уже готовыми, широко распространенными образами-шаблонами, взятыми из исторического наследия России, расцвечивая дополнительными мотивациями.

В современных условиях не лишним будет оценить эмигрантский опыт попыток осмысления будущего устройства российского государства на примерах из прошлого. Этот опыт показывает, насколько глубоко заложены в общественном сознании яркие и привычные исторические образы, как чутко реагируют в критических ситуациях гражданское мышление, психология и чувства людей на любые, порой самые невероятные идеи, дающие надежду на возрождение, а по существу являющиеся пропагандистскими средствами, выражающими интересы различных политических течений.

Основные результаты диссертационного исследования изложены в публикациях:

Статья, опубликованная в издании, рекомендованном ВАК:

1. Синельникова Е.Н. Сюжеты о российской истории в представлениях эмиграции первой волны. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Саратов, 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 55-59.

Статьи в прочих изданиях:

2. Синельникова Е.Н. Образ послереволюционной России на страницах газеты «Общее дело» // Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века. Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ /

под общ. ред. Ю.В. Варфоломеева и Л.Н. Черновой: в 2-х ч. Саратов, 2010. Ч. 1. С. 371-376.

3. *Синельникова Е.Н.* Русские в Константинополе // Турция – мост между Западом и Востоком: история, культура, политика и образование: Материалы Международной научной конференции (Саратов, 30 апреля 2010 г.). Саратов, 2010. С. 55-58.

4. *Синельникова Е.Н.* Георгий Адамович в судьбах эмиграции первой волны // Новый век: история глазами молодых: в 2 ч. Саратов, 2009. Вып. 8. Ч. 2. С. 230-237.

5. *Синельникова Е.Н.* Г.В. Адамович о «революции» в России // Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы международной научной конференции (Пятигорск-Ставрополь-Москва, 24-25 апреля 2009 г.). Пятигорск; Ставрополь; Москва, 2009. С. 349-354.

6. *Синельникова Е.Н.* Эмигранты о России и Европе (по материалам писем в редакцию «Дни») // Россия, Запад и Восток: Сборник тезисов докладов и сообщений V Международной научно-практической конференции (Владимир, 22-24 октября 2009 г.). Владимир, 2009. С. 210-213.

Подписано в печать

Формат Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Печ. л. 1,7. Тираж 120 экз. Заказ

Типография Саратовского университета

410012 Саратов, ул. Б. Казачья, 112 а

Тел.: (8452) 27-33-85